

АЛЕКСИЙ ЖЕМЧУЖИН О ГРИГОРИИ ЦАМБЛАКЕ

ЮРИЙ БЕГУНОВ

В Отделе рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук УССР в фонде диссертаций Киевской Духовной Академии, под № 1193, хранится рукопись кандидатского сочинения студента IV курса Алексея Жемчужина „Григорий Цамблак — митрополит киевский“. Форматом в лист, исписанная мелким почерком на 231 странице, законченная 28 марта 1889 г., диссертация так и не увидела свет. Несмотря на некоторые стилистические шероховатости изложения, книга могла бы заинтересовать исследователей обилием и добротностью привлеченного рукописного материала, тщательностью разысканий, обстоятельностью и логичностью суждений. Значение труда киевского студента состоит не только в том, что он отражает определенный этап в истории Цамблакнаны до А. И. Яцимирского. Ряд наблюдений Жемчужина интересен и для нас, и потому с ними необходимо познакомиться.

„Главная цель нашего сочинения. . . , — пишет А. Жемчужин, — собрать все сведения о Григории Цамблаке, восстановить факты из жизни его как можно ближе к действительности и представить разбор его сочинений. Этою целью определяется и состав нашего сочинения, разделяющегося на две главы, из коих первая содержит в себе биографию Григория Цамблака, а вторая — разбор его сочинений“ (с. 1).

Начав скрупулезного и добросовестного подбора исторических сведений о Григории Цамблаке, киевский студент опровергает предположение Макария Булгакова и Филарета Гумилевского о том, что киевский митрополит Киприан и Григорий Цамблак были сербами из Тырновской патриархии, (с. 1—3).

Так, А. Жемчужин пишет: „В этом слове (т. е. в „Надгробном слове митрополиту Киприану“, — Ю. Б.) Григорий, сказав о несчастии, случившемся с Киприаном на берегах Дуная (разумеется ограбление Киприана татарами), описывает встречу Киприана церковью „воспитавшею“ и „наказавшею“ их (т. е. Киприана и Григория Цамблака), церковью во главе с „рождшемъ“ их духовно „отцемъ и учителемъ зѣльнымъ“. Кто же это был их духовный отец и „учитель зѣльный“? Очевидно, что это правитель церковный, предстоятель церкви, так как он стоит во главе церкви, при встрече Киприана. Григорий Цамблак в дальнейших словах своего „Слова“ назы-

¹ Срв.: Макарий. 1) О Григории Цамблаке, митрополите Киевском, как писателе. — Изв. Имп. АН, т. VI, вып. 2. СПб., 1858, с. 98, прим. 3; 2) История русской церкви, т. I. СПб., 1866, с. 59; Филарет. Обзор русской духовной литературы, изд. 3, СПб., 1884, с. 103. Отголоски мнений о сербском происхождении Киприана еще и сейчас можно встретить в научной литературе

вает его по имени. Описав встречу, Григорий рассуждает: „Понеже бо бвгъ на пути тому скорбѣнѣнса попустѣн, благоволи тому во вѣчѣстѣнн тако прославѣнѣнса и утѣшѣнн того желающаа сердца, и самому исполнѣнѣнса неизглаголанна радостѣн, вѣдѣвшу свое вѣчѣство тако правнмъ, яко многимъ похваламъ достойно баше, своего же и великаго Евфимѣа, таковаа кормленѣа дръжаша...“ Понятно из этих слов, кто был правителем церковным: во время встречи Киприана по выражению Григория, держал „кормленіе“ церковное Евфимий, значит, не кто иной, как только он — Евфимий стоял во главе церкви. Встреча произошла в 1379 году, который падает на начало правления патриарха Евфимия Терновского“ (с. 3—4).

Вслед за П. А. Сырку,² А. Жемчужин полагает, что семья тырновских Цамблаков происходила из оболгарившихся влахов (с. 7—8). Как и другие исследователи (П. П. Соколов, Н. Н. Дурново, А. Саббатовский, А. И. Яцимирский) он определяет вероятную дату рождения Григория 1364 годом, если допустить, что в 1379 году ему было около 15 лет — „краткий предел отроческого возраста“ (с. 10), и называет Григория „племянником Киприана“ („братъ бѣаше нашему отцю“). В настоящее время это родство поставило под сомнение немецкий ученый И. Хольтхузен, полагая, что эта фраза заимствована из основного источника проповеди — „Надгробного слова Мелетию Антиохийскому“ Григория Назианзина.³

Мы думаем, что выбор Григорием Цамблаком одного из творений своего старшего соименника в качестве образца может быть объяснен тем, что именно Киприан был дядей Григорий Цамблака подобно тому, как Мелетий Антиохийский приходился дядей Григорию Назианзину. Потому греческие параллели многое объясняют, но еще ничего не доказывают.

„По примеру сановных болгар, стремившихся в то время получить византийское образование в центре его Константинополе, — пишет А. Жемчужин, — и Григорий, происходивший, может быть, из знатного рода и имевший родственные связи в Константинополе, мог отправиться туда для дальнейшего своего образования“ (с. 14). Из Константинополя он поехал на Афон, где постригся в Святопавловской обители“ (с. 14—15). В пользу этого свидетельствует „Слово Григория отцам преп. в пост просиявшим“ „азъ въмъ горы Афонскѣа“) и память о нем в Афонском Павловом монастыре в середине XVI в. (запись на поле Евангелия XVI в. и сборник слов его, также руки XVI в.). Жемчужин утверждает, что затем Григорий Цамблак вернулся в Тырново, где, занимая должность проповедника в сане инока-пресвитера или неромонаха при патриархе Евфимии (см. его слова „о божественных тайнах“, „о иноческом житии“, „о усопших“, подицианные именем „Григория смиреннаго инока и прѣзвитера“),⁴ пережил все ужасы взятия города турками-османами в 1393 г.⁵ К Тырновскому периоду

² П. А. Сырку. Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака. — ЖМНП, ч. 235. СПб., 1884. ноябрь, с. 110.

³ J. N o l t h u s e n. Neues zur Erklärung des Nadgrobnoe Slovo von Grigorij Camblak auf den moskauer Metropolitnen Kiprian. — In: Slavistische Studien zum VI Internationalen Slavisten Kongress in Prag 1968. Hrsgb. von E. Koschmieder und M. Braun. München, 1968, S. 372—380.

⁴ Жемчужин убедительно возражает С. П. Шевыреву (см. История русской словесности, ч. 3, лекция 15-я. М., 1858, с. 345—346) в том что полемические слова против иудеев были написаны Григорием не в Западной Руси, а в Болгарии, по просьбе патриарха Евфимия, тем более, что они подписаны не „российским архиепископом“, а „смирненным иноком и презвитером“.

⁵ См.: Похвальное слово Евфимию патриарху в издании архим. Леонида. (Нова гвѣда за бугарску историју. — Гласник српског ученог друштва, књ XXXI Београд,

Жемчужини отпосит 7 „слов“ — „о божественных тайнах“, „об усосниших“, „об иноческом житии“, „в субботу сыропустную“, на рождество Иоанна Крестителя, похвальное слово апостолам Петру и Павлу, на рождество богородицы, похвальное трем отрокам и пророку Даниилу“ (с. 20—22). „Нужно полагать, — продолжает Жемчужин, — что во время проповеднической деятельности в Тернове Григорием были произнесены не только исчисленные слова, но и другие, которые, по всей вероятности, не были написаны. . .“ (с. 23), т. е. существовали в устной проповеднической традиции. Киевский ученый возражает Мелхиседеку Штэфанеску и П. А. Сырку, связывавших упомянутые сочинения проповедника с молдавским периодом его жизни. Гипотеза А. Жемчужина представляет значительный интерес, ибо она не высказывалась в научной литературе. Биография Григория обычно излагается по А. И. Яцимирскому без Тырновского периода. Жизнь писателя до его прибытия в Цариград освещается слабо.⁶

Гипотеза Жемчужина, ввиду ее несомненной важности, нуждается во всесторонней проверке: только полный анализ истории текста сочинений Григория Цамблака даст в руки исследователей бесспорный материал о первоначальном и точном содержании заголовков всех „слов“. Автор кандидатской диссертации предполагает, что Григорий был непосредственным очевидцем жизни патриарха Евфимия в изгнании, и „заставляет предполагать, что он, движимый любовью к своему учителю, добровольно разделял с последним изгнание в продолжение некоторого времени“ (с. 27). Любопытен спор диссертанта с Мелхиседеком Штэфанеску, датирующим пребывание Григория в Сербии 1420—1431 гг. „Преоув. Мелхиседек впал в ошибку, определяя год пребывания Григория в Сербии на основании похвального слова св. Параскеве, помещающегося в Четьи-Миней Макария вслед за повестью Цамблака о перенесении мощей св. Параскевы из Тернова в Сербию. В конце этого слова есть обращение к деспоту Георгию: „господина нашего Гурга, неврьданаго и ненавътнаго сохрани“. Деспот этот — Юрий Бранкович, преемник Стефана Лазаревича, управлявший Сербией с 1427 по 1457 год. Обращение к этому деспоту в упомянутом слове, которое преоув. Мелхиседек признает за произведение Цамблака, дало основание ему прийти к заключению, что Григорий переселился в Сербию, по крайней мере, в начале правления Юрия Бранковича, и, следовательно, после служения своего в Литовской Руси. Но слово это не произведение Цамблака, а бл. патриарха Евфимия; в Четьи-Миней Макария оно отмечается: „Патриархово“. Содержащиеся в нем обращения к болгарскому царю Иоанну Шишману, сделаны Владиславом Грамматиком, переписывавшим этот панегирик при деспоте Юрии Бранковиче и намеренно приурочивавшим некоторые факты болгарской истории, упоминаемый бл. Евфимием в Житии св. Параскевы, к истории сербской. В Рильском панегирике обращение это читается так: „и благочестнаго царя нашего Иоанна Шишмана неврьдана и ненавътна сохрани.“

Таким образом, на основании содержащегося в панегирике обращения к Юрию Бранковичу нельзя судить о времени пребывания Григория в Сербии, не рискуя впасть в грубую ошибку. На основании данных, правда, недостаточно ясных, заключающихся в повести Григория о перенесении св. Параскевы из Тернова в Сербскую землю, можно предполагать, что Григорий переселился в Сербию немного времени спустя после Терновской катастрофы. Содержание повести намекает, что Григорий жил в Сер-

⁶ Б. Ангелов. Григорий Цамблак — Читалище, С., 1971, кн. 10, с. 31—33.

бни во время перенесения мощей св. Параскевы в Сербскую землю, бывшего в 1395 году; из содержания повести видно, что Григорий описывает некоторые подробности, последовавшие после торжественного перенесения св. Параскевы; например, что мощи этой святой были положены в домовой дворцовой церкви, характеризует состояние сербского государства во время перенесения св. Параскевы, указывает на процветание монастырей и т. п., словом, представляет в повести все то, что мог сделать современник и очевидец событий перенесения св. Параскевы в Сербскую землю. Повесть Григория — единственное его сочинение, дающее основание предполагать о времени пребывания его в Сербии“ (с. 28—30). Его свидетельства подкрепляются также известиями Жития Стефана Дечанского.

Разбору „Повести о перенесении мощей св. Параскевы“ как историко-литературного сочинения русский ученый уделяет несколько страниц: „Сказание Цамблака о перенесении мощей св. Параскевы в Сербскую землю помещается в Октябрьской книге Четвы-Минеи Макария вместе с житием этой святой патриарха Евфимия и отличается от последнего заметкою: „Цамблаково“. Патриарх Евфимий оканчивает свое сочинение „Жизнь и житие св. Параскевы“ описанием перенесения мощей этой святой из г. Епиват в Тернов при царе Иоанне Асене и патриархе болгарском Василии. Григорий в своем сказании говорит о перенесении мощей этой святой из Тернова в Сербскую землю. Таким образом сказание Цамблака составляет как бы продолжение сочинения Евфимия. „Таже по многыхъ снхъ лѣтѣхъ“, так начинает Григорий свое Сказание, — ясный признак того, что сам Григорий имел в виду продолжить сочинение Евфимия, и эти начальные слова он поставил для связи между сочинением Евфимия и своим сказанием, когда царь Болгарский не надеялся и когда люди наслаждались миром и благочестие росло ради молитв преподобной матери, царь варварский (Баязет), завоевавший все пределы Болгарские, нападает на славнейший град Тернов. Так как город был окружен горами и холмами и укреплен великими стенами, а внутри мощами преподобных „трѣгубо оутвѣждено“, то царь варварский на время остановился, смущенный твердынею града. Колебался он, не дерзая приступить к сей твердыне, пред которой бы сокрушилась его сила; но как некогда Моисею сказано было господом: „Не молись о людяхъ сихъ“, и пророку Иеремии: „Изведи изъ града сего, ибо молитва твоя, какъ стена медная, ограждает его отъ гнева моего“, так и здесь, если бы не грехи людей, никогда бы не совершилось покорение града. Когда город был взят и все, что было славного в покоренном граде, отовсюду сносили пред лицо завоевателя, принесены были и честные мощи Параскевы, обнаженные от многоценных украшений и обвитые в убогое рубище. Мощи испросил у царя-завоевателя „нже на Нстрѣ рѣць Бдынскнмъ градомъ царствуй царь“, т. е. Срацимиръ, к себе перенес сие сокровище, но не на долгое время. Вскоре король Венгерский (Сигизмунд) с полчищами франков овладел Бдыном (Видином) и остановился в Никополе. Варварский царь (Баязет), оставив осаду Византии, обратился на венгров и франков, произошло сражение у Никополя; множество франков потонуло в реке и победа увенчала измаильтян, надменный вождь коих теперь вступил в пределы Бдынские. Бдынский властитель (Срацимир) был предательски связан и сослан в Прусийский град (Бруссу), а несметные сокровища его были взяты варварским царем в свои руки. Когда все это происходило, случилось благочестивой княгине Сербской земли, вдове святого князя Лазаря, вместе с двумя своими сыновьями деспотом Стефаном и братом его Вуканом, и с княгиней Евфимией, супругой храброго деспота

Угледша, посетить царя (Оттоманского). Все они испросили у царя мощи пр. Параскевы и торжественно перенесли их в Сербскую землю и положили в домовою своею церкви.

Таким образом перенесение мощей св. Параскевы могло произойти в границах времени от 1393 до 1398 годов, так как упоминаемые в Сказании события, сопровождавшие перенесение мощей, происходили в этот период времени, именно: покорение Тырнова 1393 года; взятие Бдына венгерским королем и подступление его к Никополю 1396 года; битва в том же году венгерского короля и его союзников с турками и, наконец, окончательное завоевание Бдына Баязетом в 1398 году. В какой именно год совершилось перенесение св. Параскевы в Сербию, достоверного ничего нельзя сказать. Можно предполагать, что оно произошло в 1395 году, так как в этом году, как известно из Жития св. Стефана Деспота, мать деспота и сам Стефан незадолго до упомянутой выше битвы турок с венграми, явились к султану.

В конце Сказания Цамблак описывает состояние Сербии во время перенесения мощей св. Параскевы. Когда окрестные страны были разорены варварами и в них едва можно было обрести церковь и священников, Сербия, как виноград огромный, процветала. Жители ее украшались благочестием, монастыри умножались, так что Цамблак в конце концов счел нужным войти в тон оратора и прибавить: „Гдѣ усрѣдіе къ богу и къ божественнымъ, гдѣ благочестіе народа, елико въ властехъ и елико въ подручныхъ? Нигдѣ, развѣ жъ, идѣже пакы восхотѣ упокоитися. Віать владыка Българскую славу отъ нея, дарова же ей Сръбскую“.

Как видно из содержания этого Сказания, в нем заключаются некоторые факты, относящиеся к истории балканских славян конца XIV в. Сказание не отличается почти ничем от простого повествования; приведенная выше выдержка из Сказания единственная, напоминающая о Григории как ораторе (с. 202—205).⁷

Любопытнейшие рассуждения А. Жемчужина не находят, однако, в согласии с мнением некоторых югославских ученых, датирующих Сказание началом XV в.

Продолжая восстановление биографической канвы, А. Жемчужин полагает, что Григорий перешел из Сербии на службу к Константинопольскому патриарху в 1400 г., а в 1401 г. уехал в Молдавию, где жил в Сочаве с 1401 по 1406 г., занимая должность придворного проповедника. Здесь он написал Житие Иоанна Нового и ряд проповедей.

Получив письменное приглашение митрополита Киприана прибыть в Москву („Н мы того писаніемъ подвижнєса тѣхѡмєса постигнүти каиєа (областн), іако да пастыра үзрнмъ“), Цамблак отправился в долгое путешествие, но в Литве на реке Немане он узнал о смерти своего покровителя. „Трудные минуты пришлось переживать Григорию на первых порах своего пребывания в России: возвращаться на родину было для него бесцельно — там представлялась печальная картина разрушения и порабощения, оставаться на Руси было нелегко после кончины Киприана, который мог бы быть ему руководителем в стране, хотя единоверной и единокровной, тем не менее Григорию неизвестной. Но, может быть, сознание собственных сил и достоинств и также мысль о том, что любовь к Киприану еще не угасла в русском народе и в некоторой степени перейдет к нему, как пле-

⁷ Срв. А. И. Я ц и м и р с к и й. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, с. 45 и далее

мяннику Киприана, ободрили Григория и он решился остаться в России посвятить свои силы на служении ей“ (с. 36—37). Григорий, очевидно, был в Москве, где вероятно, произнес свое слово над гробом митрополита в 1409 г. Особенно подробно А. Жемчужин пересказывает историю поставления Григория в киевские митрополиты (15 ноября 1415 г.), хорошо известную из русских летописей и документов.⁸ „Не невероятно положение, — пишет Жемчужин, — что Григорий в 1408 году не был лично известен Витовту и поэтому избранником Витовта на Киевскую кафедру явился Феодосий Полоцкий, но когда Григорий, живя в Литве, своими личными достоинствами обратил на себя внимание Витовта, то последний, может быть, припомнив отзыв Киприана о Цамблаке (если был таковой), при образовании западно-русской митрополии предпочел Григория Цамблака Феодосию и избрал его в митрополиты Киевские“ (с. 46). К киевскому периоду Жемчужин относит следующие „слова“ Григория: 1) в неделю вербную, 2) на вознесение, 3) на преображение, 4) на усупение богородицы, 5) на усекновение главы Иоанна Предтечи, 6) на воздвижение креста, похвальные „слова“, 7) Дмитрию Мироточцу и 8) Евфимию патриарху, 9) „Слово, како держат върунъмцы“, 10) Стихеры на усупение богородицы (с. 72—74). Григорий также переписал „чин на освящение церквей“, ввел празднование дня памяти св. Параскевы Тырновской (14 октября), ездил в 1418 г. на XVI Вселенский собор в Констанце; А. Жемчужин полагает, что великий князь литовский Витовт послал посольство митрополита Григория на Констанцкий собор в угоду папе, от которого надеялся получить королевскую корону. На самом деле, Григорий отнюдь не был сторонником унии церквей, хотя его политический противник митрополит московский Фотий пытался использовать эту поездку для дискредитации Григория в глазах православных.

Жемчужин приводит свидетельства историков церкви — польского Ходыкевича и русского — Козачинского, — якобы подтверждаемых противоречивыми и сбивчивыми показаниями румынских летописцев Григория Уреки и Мирона Костина, о том, что Цамблук не умер в 1419 г., а удалился в Молдавию, где прожил еще 22 года, до времени Флорентийского собора (с. 81—82).

Киевский студент приходит к такому выводу: „Итак, из разбора всех сведений о пребывании Григория в Молдавии можно придти к такому заключению, что все они констатируют только тот факт, что Григорий жил и действовал в Молдавии в сороковых годах XV столетия, но определенного ничего не говорят, был ли Григорий молдавским митрополитом и какого рода была его деятельность“ (с. 92). Много внимания А. Жемчужин уделяет обоснованию гипотезы о том, что Пантократоров монастырь, где Григорий игуменствовал, — это именно Нямецкий монастырь, а не Дечанский (с. 92—97). И приводит все те факты, которые хорошо нам известны из трудов Мелхиседека, П. А. Сырку и А. И. Яцимирского. По мнению А. Жемчужина, в так называемый „Нямецкий период“ великий болгарин написал: 1) похвальное слово 40 мученикам, 2) слово в великий четверток, 3) слово в великий пяток, 4) похвальное слово пр. Илии, 5) похвальное слово великомученику Георгию и 6) Житие Иоанна Нового. „О последних днях жизни Григория Цамблака ничего не известно. Преосвященный Мелхиседек предполагает, что Григорий Цамблук жил приблизительно до 1450 года, судя потому, что в истории Нямецкого монастыря с 1452 года является игуменом иеромонах Симеон. По преданию, сохранившемуся в Нямец-

⁸ ПСРЛ, т. 11. СПб., 1841, с. 105, 106; РИБ, т. VI, Изд. 2. СПб., 1908, № 38—41.

ком монастыре, Григорий и погребен в этой обители. Историк Нямецкого монастыря, иеросхимонах Андроник указывает даже место, где поконится тело Григория Цамблака, именно: „в большой церкви Нямецкого монастыря, в среднем притворе, возле игумена Силюяна, где лежат два камня один возле другого пред иконой святого вознесения“. Камней этих теперь незаметно; они сняты или углублены во время переделки главной церкви Нямецкого монастыря, бывшей в последнее время“ (с. 97—98).

Вторая глава диссертации А. Жемчужина (с. 99—231) содержит разбор 27 (по Филарету, Макарию и С. П. Шевыреву) сочинений Григория Цамблака. В настоящее время нам их известно около 40. Здесь мало нового, сравнительно с трудами русских историков церкви и словесности середины XIX в. Как и С. П. Шевырев, он подразделял сочинения Григория Цамблака на три группы: 1) проповеди (22), 2) исторические сказания о некоторых святых (3); 3) одно полемическое сочинение; 4) „Церковно-богослужебный стих на усение“ в счет не ставится, потому что он представляет из себя извлечение из слова Григория на усение богоматери“ (с. 107, прим. 2). К разбору его сочинений по существующим изданиям и пересказам А. Жемчужин подходит как гомилет: вначале он определяет тему и идею проповеди, потом ее источник и, наконец, пересказывает ее содержание, имея в виду „трактацию“ определенной темы и идеи; иногда он перечисляет один-два приема (троп или фигуру) и оценивает произведение с точки зрения его внешних и внутренних гомилетических свойств. Приведем здесь только выводы киевского ученого: „Из разбора „слов“ Григория на праздники святых видны те приемы, которыми Григорий пользовался для распространения содержания этих „слов“: объяснения, выражение своих личных чувств, похвала святому — вот и все, что служит непосредственным наслоением в основном материи этих слов. План „слов“ везде ясный и определенный. После прочтения их нельзя не прийти к такому заключению, что Григорий при составлении их как будто имел в виду следующее гомилетическое правило: первоначально, в приступе, „слова“ должны выражать или свои личные чувства, или воздавать похвалу святому, или в кратких чертах сказать то, что после будет изложено в трактации подробно; далее, — повествовать в главной части „слова“ о жизни, деятельности и образе смерти святых и, наконец, — в заключении опять обращаться с похвалою к святому, воздавать славу богу и т. д. Что касается изложения этих „слов“, то хотя они, кроме „слова“ великомученику Димитрию, по богатству фигуральности и вообще цветов красноречия византийского стиля, везде почти одинаковы, однако не везде есть плод истинного воодушевления и вдохновения. Сопоставим два „слова“ Григория на праздники святых в отношении их изложения: похвальное „слово“ апостолам Петру и Павлу и похвальное „слово“ великомученику Георгию. Как в первом, так и во втором „слове“, не замечается недостатка в цветах красноречия, напротив, изобилие их бросается в глаза, тем не менее эти цветы и красоты речи в том и другом „слове“ не могут быть одинаково оценены. В первом „слове“ искусственные фигуры, а во втором естественные. Приведен первоначально пример фигуры умножения эпитетов — из похвального „слова“ апостолам Петру и Павлу: „Что же ли Павел, небесный оный человек, ритор церковный, Христова уста, учитель языков, высоколетательный орел, церковный славий, иже в законе усердный и во благодати ревнитель; Павел иже, больше иных трудивыйся, течение скончавший, веру соблюдый. . .“⁹ Или пример фигуры разделения из того же „слова“: „Кто бы

⁹ П о р ф и р и й У с п е н с к и й. Первое путешествие в Афонские монастыри, ч. 1, стр. 2. Киев, 1877. с. 54.

такой всемъ бысть вса, ажеже Павель, да всехъ прѣображеній: нудеомъ, еллинѣмъ, законнымъ, беззаконнымъ, всакому роду, всакому возрасту, мужамъ, женамъ, дѣвамъ, вдовамъ, юношамъ, господамъ, рабомъ.¹⁰ Подобныя фигуры разсеяны по всему „слову“, понятное дело, не нужно никакого воодушевления и вдохновения, чтобы составить их. В „словѣ“ великомученику Григорию, напротив, часто встречаются поэтические образы, например: „Не тако испещрена естъ земля различными цвѣты, ажеже страстотерпское тѣло различными ранами. Не тако источници различнѣ истекають, ажеже мученика язвы кровныя струа.“¹¹ Или: „Святый же на лѣствици, аже на одрѣ украшенъ и аже на цвѣтахъ на югльхъ ложе баше и спие съ сладостію бываемая зраше“¹² (с. 171—173). И далее: „Из разбора всехъ „словъ“ Григория долженъ быть сделанъ такой выводъ о Григории какъ проповедникѣ: Григорій былъ проповедникъ-византинецъ, в его „словахъ“ встречаются почти все недостатки византийскаго проповѣдника, догматическое, догматико-полемическое, церковно-историческое и редко, редко содержание с нравственнымъ элементомъ в его „словахъ“ подтверждаютъ ту мысль, что онъ усвоилъ вполне существенныя правила византийскаго гомилетическаго направленія — заниматься в своей проповѣди рассмотреніемъ отвлеченныхъ догматическихъ истинъ или же составлять панегирики святымъ. Цветистость речи, всякаго рода фигуры, сплетающіяся в словахъ Григория, и образующія какъ бы сочетаніе различныхъ красокъ, подобно мозаикѣ сочиненныя речи святыхъ, все это доказываетъ, что Григорій былъ поклонникъ византийскаго проповѣдническаго школы, господствовавшей в его время. Но нельзя сказать, что Григорій былъ заурядный проповѣдникъ-византинецъ, что его „слова“ — плодъ кропотливости — составлены по известному преждезамеченному шаблону. Талантъ проповѣдническаго, который, несомненно, имѣлъ Григорій Цамблакъ, иногда разрывалъ сковывавшія проповѣдниковъ того времени гомилетическія оковы византизма, выражался во всей своей силѣ в поэтическихъ образахъ, отмеченныхъ нами, и некоторыхъ мѣстахъ его „словъ“, исполненныхъ истиннаго, неподдельнаго воодушевленія и вдохновения.

В частности, говоря о Григории какъ проповѣдникѣ, нельзя не отметить, прежде всего, что онъ былъ мужъ ученый, обладалъ большими знаніями по предметамъ богословія, имѣлъ свѣденія по исторіи, философіи и естествознанію. Значитъ, располагалъ многими средствами для того, чтобы быть хорошимъ проповѣдникомъ. Языкъ его „словъ“, за весьма небольшими исключеніями, указанными нами, чисто славянскій, приближающійся по выговору и правописанію къ югославянскому в Болгаріи и Сербіи. Текстъ Св. Писанія приводилъ по изводу Терново-Ресавскому. В изъясненіи Св. Писанія не держался какого-либо одного направленія, но толковалъ его и буквально и таинственно, причемъ любилъ таинственное толкованіе Вѣтхого Завета. В построеніи плана и расположеніи мыслей в своихъ „словахъ“ не держался какого-либо определеннаго правила, за исключеніемъ похвальныхъ „словъ“, где онъ, по-видимому, преследовалъ гомилетическое требованіе своего времени. Сходныя мысли некоторыхъ словъ Григорія с мыслями подобныхъ же словъ знаменитыхъ древнихъ учителей свидѣтельствуютъ, что Григорій стремился подражать знаменитымъ витіямъ, изъ коихъ онъ в особенности следовалъ Иоанну Златоусту. В проповѣдяхъ Григорія встречаются и апо-

¹⁰ Порфирій Устинскій. Цит. соч., с. 55.

¹¹ Известія АН, ч. VI, с. 128.

¹² Там же, с. 129.

крифические мысли — явный признак того, что он был знаком с апокрифами“ (с. 201).

С общими выводами Жемчужина о Цамблаке как писателе едва ли можно вполне согласиться. Полный историко-литературный и филологический анализ творений знаменитого болгарина, как видим, здесь отсутствует и в современном литературоведении изучение Григория Цамблака как общевалканского и болгарского писателя еще только начинается.¹³ Не решены еще и основные вопросы Цамблакианы, ибо ввиду отсутствия добротных научных изданий его сочинений не все проблемы могут быть даже поставлены.

Прошло более 80 лет с тех пор, как киевский студент А. Жемчужин завершил свою книгу, 70 лет минуло после выхода в свет ценнейших работ А. И. Яцимирского, а полное собрание сочинений великого болгарина все еще не стало достоянием науки. Воплотить в жизнь эту заветную мечту — священный долг нашей науки.

---

¹³ П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблук в Румъния и в старата румънска литература. С., 1966. См.: К. Мечев. Григорий Цамблук. С., 1969; П. Русев, И. Гълъбов, А. Давидов, Г. Данчев. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблук. С., 1971